

82697

1-й экз.

XVI, 49581, 102

№ 62.
ЕЖЕМЕСЯЧНО.
1915 г.

ВОЙНА

ЦѢНА 10 к.
ПЕТРОГРАДЪ.
НОЯБРЬ

(прежде, теперь и потомъ).

Маленькія эльзаски отправляются съ визитомъ къ президенту французской Республики.

Условия подписки
 съ доставкой и
 пересылкой по
 всей России:
 на годъ . 4 р. — к.
 . 1/2 года 2 . — .
 . 1 мѣс. — 30 .
 Перем. адреса 25 к.
 Неприятые рукописи
 не возвращаются.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

Тарифы объявлений:

За строку непара-
 рели въ 1 стол-
 бецъ:

(1/4 шир. стран.)

впер. текста . 30 к.
 позати . . 60 .

Постоянные заказы по
 соглашенію.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 62—1915 г. Главная контора журнала: Петроградъ, 7-я Рождественская, 30. Ноябрь.

Паровозъ „Б. 47“.

Въ двадцать лѣтъ службы на желѣзной дорогѣ Иванъ Петровичъ до того изучилъ свой участокъ, что могъ вести поѣздъ, закрывъ глаза. Онъ прекрасно зналъ профиль дороги, каждую выемку, каждый мостикъ, зналъ капризы и причуды своего стараго паровоза «Б. 47», къ которому привыкъ, какъ къ живому существу, и любилъ его. Товарищи Ивана Петровича, ѣздившіе по другимъ участкамъ и линиямъ съ новенькими паровозами послѣднихъ системъ, называли машину Ивана Петровича старой клячей, но къ этой «клячѣ», которая дребезжала, стонала и хрипѣла, взбираясь на откосы дороги, Иванъ Петровичъ привыкъ, и если бы ему предложили ѣздить на такой «цацкѣ», на которой ѣздили хотя бы Сергѣевъ, онъ, право, отказался бы отъ службы.

Когда Иванъ Петровичъ былъ еще молодымъ помощникомъ машиниста, паровозъ «Б. 47» былъ также молодъ и блестялъ на славу своими никкелированными и мѣдными частями. Въмѣстѣ со своимъ паровозомъ старѣлся Иванъ Петровичъ, всѣ событія въ его жизни, всѣ радости и печали были связаны съ этой машиной. На второмъ году службы, когда на его паровозѣ испортился золотникъ и его пришлось два дня ремонтировать, Иванъ Петровичъ женился

на Аннѣ Кондратьевнѣ; черезъ годъ, когда ея не произошло крушеніе изъ-за того, что стрѣлочникъ № 5 невѣрно перевелъ стрѣлку, родился Мишутка; спустя два года послѣ этого событія Иванъ Петровичъ купилъ хуторокъ на третьей верстѣ подъѣздного пути къ полустанку Красноставъ.

Это былъ прекрасный хуторокъ съ рощицей, съ огородомъ и тремя десятинами пахотной земли. Лѣтомъ домикъ Ивана Петровича надѣвалъ зеленый уборъ изъ гирляндъ дикаго винограда, сверкала рѣчка сквозь просвѣты березовой роши, и, когда машинистъ подъѣзжалъ къ семафору, его встрѣчали жена и сынъ, которые издали узнавали его паровозъ по ярко-желтому знаку «Б. 47».

Въ послѣдніе два года колеса паровоза часто буксовали, парораспределитель капризничалъ, и Ивану Петровичу приходилось подолгу возиться со своей машиной. Къ хрипѣнію и гудѣнію прибавился новый звукъ, стонущій и протяжный, къ которому Иванъ Петровичъ никакъ не могъ привыкнуть.

— Старички мы съ тобою, братъ! Пора намъ на покой!— качая головою, говорилъ онъ, но потомъ встряхивалъ своими когда-то черными, какъ смоль, а теперь серебряными кудрями:— э, да ничего! Треснутый горшокъ два вѣка живетъ. Мы еще поѣздимъ, старина!

* * *

Въ звѣздную юльскую ночь Иванъ Петровичъ везъ партію быковъ къ границѣ. На станціяхъ и полустанкахъ поѣздъ стоялъ подолгу, и старикъ-купецъ Василій Яковлевичъ Пѣтуховъ, которому принадлежала эта партія, и котораго Иванъ Петровичъ зналъ много лѣтъ, выходилъ изъ себя. Онъ убѣждалъ Ивана Петровича сократить стоянки или, по крайней мѣрѣ, ускорить ходъ, совалъ ему деньги и раза два даже поилъ его водкой.

— Вѣдь подохнуть быки, подохнуть, душа моя. Припустите, голуба, ходу!

Иванъ Петровичъ пилъ съ купцомъ водку, крякалъ, но больше восемнадцати верстъ въ часъ не дѣлалъ.

— Помилуйте, Василь Яковличъ, машина вѣдь у меня одна? А быкамъ, право слово, ничего не сдѣлается.

На станціи Отрадная поѣздъ Ивана Петровича перевели на запасный путь.

Въ полевомъ сербскомъ госпиталѣ на сербо-болгарскомъ фронтѣ.

Пѣтуховъ бѣгалъ къ начальнику, къ старшему телеграфисту, даже къ касиру и вѣсовщику, но тѣ только пожимали плечами и отвѣчали, что до полученія особаго распоряженія они не могутъ пустить шестой номеръ, который везъ быковъ Пѣтухова.

Иванъ Петровичъ завалился спать, а Пѣтуховъ съ горя ушелъ въ поселокъ пить водку.

Около полуночи мимо станціи, не останавливаясь, промчался поѣздъ съ притушенными огнями. Въ аппаратной быстро заработалъ телеграфъ, начальникъ станціи метался изъ дежурной въ аппаратную и обратно, нося куда-то красные бланки, а его чахоточная жена, уложивъ вещи, вышла на перронъ со своими двумя заспанными дѣвочками и вглядывалась въ розовѣющую даль, не идетъ ли поѣздъ.

Иванъ Петровичъ проснулся. Онъ замѣтилъ тревогу на станціи, видѣлъ, какъ промчались другъ за другомъ четыре паровоза. На одномъ изъ нихъ, «А. 8071», вмѣсто знакомаго машиниста Андрея Андреевича былъ кто-то въ военной формѣ.

Когда Иванъ Петровичъ вышелъ на перронъ, то увидѣлъ, что небо на западѣ залито кровавымъ заревомъ; горѣло далеко, но запахъ гари доносился утреннимъ вѣтромъ сюда, и слышно было, какъ что-то странно и часто ухаеетъ, словно дровосѣки рубятъ въ лѣсу деревья.

— Гдѣ горитъ? Что это?—обратился Иванъ Петровичъ къ женѣ начальника.

Та махнула рукою, сморщилась и заплакала. Глядя на мать, заплакали и обѣ дѣвочки.

Иванъ Петровичъ не успѣлъ разобраться, въ чемъ дѣло.

Тревога нарастала. Пролетѣлъ еще одинъ поѣздъ, безъ пассажировъ и кондукторовъ, съ однимъ машинистомъ на паровозѣ. Въ поселкѣ загудѣлъ набатъ. Сильнѣе и слышнѣе рубили дровосѣки на западѣ, за синимъ холмомъ, и, почуявъ тревогу, замѣтались и заревѣли быки Пѣтухова въ вагонахъ.

Къ растерявшемуся и ничего не понимавшему во всей этой кутерьмѣ Ивану Петровичу быстро подошелъ начальникъ станціи и сказалъ:

— Отцѣпите паровозъ, поѣзжайте на станцію Кресно. Нужно забрать подвижной составъ. Живо! Помощника оставьте здѣсь.

— Какъ же я одинъ заберу составъ? Въ чемъ дѣло?

— Составъ готовъ. Надо только прицѣпить паровозъ.

— Но въ чемъ дѣло?

У начальника сморщилось лицо, такъ же, какъ давеча у его жены. Онъ стиснулъ зубы и глухо сказалъ:

— Нѣмцы!

Изъ одного этого слова Иванъ Петровичъ ничего не могъ вывести. У него было много знакомыхъ нѣмцевъ; начальникъ службы движенія, Францъ Францевичъ Гольбахъ, тоже былъ нѣмцемъ, но изъ этого ничего дурного не выходило.

НА ЗАПАДНОМЪ ФРОНТѢ.

Театръ на позиціяхъ. Всѣ дѣйствующія лица въ пьесахъ—солдаты.

— Нѣмцы? — съ недоумѣніемъ повторялъ онъ, разводя пары.—Нѣмцы? Ничего не понимаю.

Онъ поднялся на откосъ, миновалъ будку дорожнаго мастера.

Съ полей несся свѣжій ароматъ травъ и, какъ всегда по утрамъ, пѣлъ гдѣ-то въ вышинѣ жаворонокъ, купаясь въ золотыхъ лучахъ восходящаго солнца.

— Нѣмцы? — еще разъ повторилъ Иванъ Петровичъ и представилъ себѣ Франца Францевича, круглаго бритаго старика съ трубкой въ зубахъ.— Что они сдѣлали, эти нѣмцы?

Далеко грохнуло что-то, треснуло, захохло, словно случилось крушеніе поѣзда: полетѣлъ паровозъ подъ откосъ и, напозая другъ на друга, сбились вагоны, исковерканные толчкомъ, разбитые въ щепы.

Теперь Иванъ Петровичъ понялъ, что случилось какое-то несчастье, въ которомъ виноваты нѣмцы.— можетъ быть, Францъ Францевичъ. Не даромъ ста-

ВОЙНА ВЪ ДРЕВНОСТИ.

Триумфъ побѣдителя.

рикъ слылъ чудакомъ и про него говорили, что онъ не совсѣмъ въ своемъ умѣ. Надо было спѣшить, а тутъ какъ на зло, паровозъ на шестой верстѣ за-капризничалъ. Онъ стоналъ и вздрагивалъ всѣмъ своимъ старымъ остовомъ, но ни за что не хотѣлъ взять подъемъ.

— Но, старина, но-о—покрикивалъ Иванъ Петровичъ, словно паровозъ могъ его слышать.—Не шали, братъ, не время.

Онъ застопорилъ машину, слѣзъ и осмотрѣлъ ее. Потомъ смазалъ масломъ крейцкопфы и цилиндры и подбросилъ угля.

Паровозъ дрогнулъ и пошелъ.

— То-то, братъ! Жрать захотѣлъ?

На станціи Кресно не было, казалось, ни души: Иванъ Петровичъ заглянулъ въ телеграфное отдѣленіе и отшатнулся. Два новенькихъ аппарата были разбиты вдребезги, на полу валялись изорванныя бумажныя ленты, бланки, какія-то бумаги, шкафы были раскрыты. Въ дежурной, на столѣ, лежала красная фуражка начальника станціи, но его самого нигдѣ не было.

Только въ залѣ третьяго класса Иванъ Петровичъ увидѣлъ живое существо. Это былъ станціонный сторожъ Никита, глухой старикъ. Онъ забился въ уголъ, за скамейками, и глядѣлъ неподвижнымъ взоромъ на Ивана Петровича.

Тотъ тронулъ его за плечо. Никита свалился на бокъ. Въ затылкѣ у него зіяла рана. Онъ былъ мертвъ.

«Нѣмцы»—съ недоумѣніемъ и ужасомъ подумалъ Иванъ Петровичъ и бросился изъ станціоннаго зданія.

Шесть новенькихъ желтыхъ товарныхъ вагоновъ стояли на боковомъ пути. Чтобы прицѣпить паровозъ къ нимъ, нужно было долго маневрировать, переходя съ линіи на линію и всякій разъ останавливаясь, чтобы самому перевести стрѣлку.

Оттого, что Никита былъ кѣмъ-то убитъ, что станція странно опустѣла, отъ видѣннаго хаоса и разгрома въ аппаратной и отъ непрерывнаго грома-ханья, которое слышалось уже совсѣмъ близко, у Ивана Петровича дрожали руки, ходуномъ ходило сердце въ груди и захватывало дыханіе. Дѣло не спорилось, и онъ провозился около часа, пока перевелъ

Англійскія подводныя лодки на Темзѣ.

НОВОЕ ОРУЖІЕ.

Для пушекъ нужна сталь, для снарядовъ мѣдь.

Мѣди и стали въ Германіи нѣтъ.

Такъ какъ надежды на удушливые газы не совсѣмъ оправдались, то предприимчивые нѣмцы изыскали новое средство.

Въ настоящее время въ особыхъ поѣздахъ на восточный и западный фронтъ отправляется огромное количество... бѣшеныхъ собакъ.

Поистинѣ, трудно бороться съ культурной страной, гдѣ техника находится на такой недостижимой высотѣ.

КОНЕЦЪ РОССИИ.

Подъ такимъ заголовкомъ «Vergl. T. d. T. d. T.» печатается слѣдующее сообщеніе: «Ханъ хивинскій и эмиръ бухарскій, сосредоточивъ на границахъ Россіи значительныя арміи, грозятъ вторженіемъ».

Если нѣмецкія газеты будутъ идти столь стремительнымъ темпомъ, то мы въ скоромъ времени прочтемъ новыя сенсации: «Княжества Вятковія и Новгородія, объявивъ войну Россіи, осадили Петроградъ. Герцогство Архангельскландъ направляетъ свои войска имъ на помощь. Король Чувашскій и князь Черемисскій осадилъ Москву...»

Тогда бѣднымъ разбитымъ русскимъ останется одно:

Бѣжать въ... Берлинъ.

НОВѢЙШІЯ СОЛДАТСКІЯ
ПРИБАУТКИ.

Веселая и бодрая натура русскаго солдата всюду сказывается. И въ казармахъ, въ мирное время, и въ разгаръ горячаго боя, подъ шестидесятипудовыми чемоданами врага, утоная въ облакахъ ядовитыхъ газовъ. Вотъ новыя прибаутки, родившіяся въ холодныхъ окопахъ и привезенныя съ фронта раненымъ вольноопредѣляющимся Г. въ столицу.

«Нѣмецъ чортовъ младенецъ — смотритъ на Ригу, а видитъ фигу!».

«Германецъ - голодрагеецъ и поганецъ, а его другъ австріецъ-кровопиецъ».

«Забрались нѣмцы въ Аршаву, нажили себѣ дурную славу».

«Въ Аршавѣ нѣмцы зимуютъ, а къ веснѣ, гдѣ будутъ — не чуютъ».

«Не суйся, германецъ, въ Двину, а то я те въ загривокъ двину».

«Двина для нѣмца — желанная рѣчка, болитъ у емъ по ней сердечко».

«Рыга нѣмцу любезный городокъ, а только износить онъ безъ ей не одну лагу палатокъ».

Енераль Беловъ запыль съ горя пилъ, оуъ плохихъ дѣловъ».

«Затѣялъ нѣмецъ плохую забаву, засѣлъ онъ въ Либаву».

«Двинскія болота — большая для нѣмцевъ забота».

«Шель ерманецъ на городъ Фридрихъ-штатъ, а попалъ съ водою въ ушатъ».

«Со всѣхъ сторонъ нѣмцамъ большой уронъ».

«Отберемъ опять мы у нѣмцевъ Галицію, а самово Франца посадимъ въ полицію».

ИЗЪ ВОЙНЪ ДРЕВНОСТИ.

Германскія женщины въ бою съ римлянами.

паровозъ на запасный путь. Теперь надо было перевести весь составъ на главный путь и тогда можно было уже тронуться въ дорогу.

Хотя вагоны были пусты, но старый паровозъ, шалившій еще въ дорогѣ, забуксовалъ. Колеса съ шипѣніемъ и визгомъ вертѣлись на одномъ мѣстѣ, тяга не преодолевала тренія, и дѣло было совсѣмъ плохо.

Изъ-за віадука, сверкая штыками, показалась синяя колонна пѣхоты. Она шла, извиваясь какъ змѣя, по проселку, остановилась на нѣсколько минутъ у шлагбаума и, перейдя полотно, направилась къ станціонному зданію. Иванъ Петровичъ, занятый возней у паровоза, ничего не видѣлъ и только тогда, когда кто-то окликнулъ его на непонятномъ языкѣ, поднялъ глаза и застылъ на мѣстѣ.

Предъ нимъ стоялъ бѣлобрысый, худой и высокій

офицеръ въ зеленыхъ рейтузахъ и странной, угловатой какой-то кепкѣ и, размахивая руками передъ самымъ его лицомъ, говорилъ что-то длинно и визгливо.

Только одно русское слово сказалъ офицеръ, и это слово понялъ Иванъ Петровичъ:

— Вези!

Теперь ему стало ясно все, что онъ видѣлъ: тревога въ Отрадной, мчавшіеся паровозы съ притушенными огнями, разгромъ въ аппаратной и смерть сторожа.

Онъ вспомнилъ почему-то вдругъ о своемъ хуторѣ, о Мишуткѣ, объ огненныхъ головкахъ подсолнечника въ своемъ палисадникѣ и о старой гитарѣ, на которой во время отдыха между побѣдками любилъ тихо наигрывать грустное «Ой тамъ за горою». Вспомнилъ онъ и о купцѣ Пѣтуховѣ, о его быкахъ, о такихъ

мелочахъ, о которыхъ теперь было совершенно не кстати вспоминать, и, обратившись къ своему старому паровозу, тихо сказалъ:

— Ну, что-жъ, старина, надо умирать!

Синіе солдаты въ такихъ же странныхъ шапкахъ, какъ у ихъ офицера, со смѣхомъ и шумомъ наполнили вагоны, а офицеръ твердитъ упорно, какъ дятель, одно и то же слово:

— Вези, вези!

Одинъ солдатъ, очевидно добродушный малый, сбѣлъ на тендеръ и подмигнувъ Ивану Петровичу: полѣзай, дескать. Иванъ Петровичъ быстро смекнулъ что-то въ умѣ и сталъ на свое мѣсто, на которомъ стоялъ двадцать лѣтъ, на которомъ состарился и посѣдѣлъ.

Офицеръ одобрительно кивнулъ головой и направился къ вагону, повторивъ по дорогѣ:

— Вези!

* * *

Иванъ Петровичъ подбросилъ уголь въ топку и посмотрѣлъ на манометръ. Паровозъ, словно понявъ,

Современное приспособленіе для стрѣльбы изъ окопа, причѣмъ стрѣляющій находится въ полной безопасности отъ гудъ противника.

что онъ задумалъ, рѣзко рванулся впередъ и застоялъ. Черезъ нѣсколько минутъ все будетъ кончено: въ шести верстахъ отъ Кресно запасный путь заканчивается тупикомъ, тамъ обрывъ, крутой и страшный. Надо только развить наибольшую скорость хода и тогда...

Въ этомъ году пышно зацвѣлъ макъ на хуторкѣ Ивана Петровича, въ саду завелись скворцы, которые такъ хорошо пѣли по утрамъ. Въ обрывѣ, у тупика, течетъ по камнямъ бѣлая рѣчка. Однажды лѣтомъ, купаясь, Иванъ Петровичъ чуть не утонулъ, втянутый водоворотомъ въ яму.

Паровозъ трещитъ и гудитъ, скрипятъ старыя оси, сталкиваясь, гремятъ буфера и цѣпи, а манометръ показываетъ высшій предѣлъ давленія, сейчасъ разлетится вдребезги котель.

Вѣтеръ свиститъ въ ухахъ. Сзади, въ вагонахъ, горланятъ солдаты, поютъ развеселую пѣсню, въ которой часто повторяются слова:

— Nach Warschau, nach Warschau!

«Въ Варшаву? Руки коротки!» — подумалъ Иванъ Петровичъ и усмѣхнулся.

Въ сердцѣ у него заняло.

— Старый товарищъ, — тихо сказалъ онъ, оглядывая свой паровозъ. — Умирать будемъ, — и заплакалъ.

Еще нѣсколько секундъ, и все это горланящее живое мясо превратится въ безобразную кровавую грудку. Вотъ поворотъ, вотъ бѣлый камень у дороги, а вотъ и первый извивъ рѣченки. Дорога идетъ по спуску теперь надо удвоить ходъ.

Иванъ Петровичъ повернулъ ручку. Стрѣлка прыгнула еще на нѣсколько дѣлений впередъ. Въ котлѣ подозрительно загудѣло. Иванъ Петровичъ подбросилъ въ топку угля, закрылъ глаза и, прижавшись къ цилиндру, прошепталъ:

— Прощай, старина!

— Р-р-р, — ворчливо отвѣтилъ ему паровозъ.

— Прощай, прощай, прощай! — звенѣли болты, буфера и цѣпи.

У самого тупика Иванъ Петровичъ далъ послѣдній свистокъ. Сжатый паръ, вырвавшись, тоскливо заплакалъ. Паровозъ ударился на всемъ ходу о перекладину.

-- Nach Warschau! — донеслось изъ заднихъ рядовъ.

-- А-а-яй! — леденящимъ душу крикомъ отвѣтили передніе.

Паровозъ, разбивъ перекладину въ щепы, полетѣлъ въ обрывъ. И грохотъ и лязгъ, и замирающіе стоны, и проклятья слились въ короткій вой.

Груда щепокъ, колесъ, желѣзныхъ осей и искорканыхъ телѣжекъ лежала подъ откосомъ. И омытый пѣнящейся волною, желтѣлъ среди обломковъ номеръ паровоза «Б. 47».

Я. Онуевъ

МАТЬ.

Въ субботу, каждый разъ, когда звонятъ къ вечернѣ,
Она идетъ туда, гдѣ въ сумеркахъ поникъ
На мраморномъ крестѣ въ вѣнкѣ изъ жгучихъ терній
Знакомый сердцу съ дѣтства—нѣжно-блѣдный ликъ...
Она идетъ въ соборъ... Струится ладанъ синій...
Какъ вздохъ заката миль ей—гимнъ съ высокихъ
хоръ...

Она сама закатъ... Убрала прическу иней
И тусклъ, какъ искра льдинъ, ея печальный взоръ...
На матовый асфальтъ, на голая ступени,
На паперть у креста—склониться дремно ницъ,—
Влекутъ ее привычно-дряхлая колѣни...
И слезы—жемчугъ росъ на бархатѣ рѣсницъ...
Въ ея глазахъ теперь враждуетъ миръ съ тревогой...
«Благословенъ Господь..» Звечитъ прощальный зовъ.

Она идетъ домой безрадостной дорогой,
Твердя молитвенный порядокъ скорбныхъ словъ...
Въ покинутой квартирѣ—жизнь ея—пустыня...
Изъ сердца упорхнулъ навѣки свѣтлый сонъ...
И неотступно золь—тревожныхъ мыслей звонъ:

Вернетъ ли ей судьба—единственного сына?..

ПАВЕЛЬ ОРЪШНИКОВЪ.

Жизнь германского солдата.

Въ Петроградъ доставленъ съ передовыхъ позицій весьма интересный документъ, характеризующій условия жизни солдатъ германской арміи,—письмо одного изъ германскихъ солдатъ, запаснаго батальона 1-го пѣхотнаго полка. Письмо это было написано отпривителемъ, но попало вмѣстѣ съ его авторомъ въ руки нашихъ воиновъ.

Какъ видно изъ принадлежащей этому солдату книжки на получение жалованья, автору письма лишь 19 лѣтъ, вступилъ въ дѣйствующую армію еще 7 сентября прошлаго года.

«По поводу взятія нами Варшавы, намъ доставили сюда подарки и пожертвованія нашихъ земляковъ. Однако, нельзя сказать, что при распредѣленіи ихъ начальство руководствовалось справедливостью. Такъ, почти всѣ сигары и папиросы попали въ руки господъ офицеровъ, сержантовъ, фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, а солдатамъ оставалось лишь любоваться дымомъ. Услыша нашъ ропотъ, начальство выдало намъ въ ближайшее воскресенье по одной «капустной» сигарѣ и по ¼ фунта колбасы на человѣка».

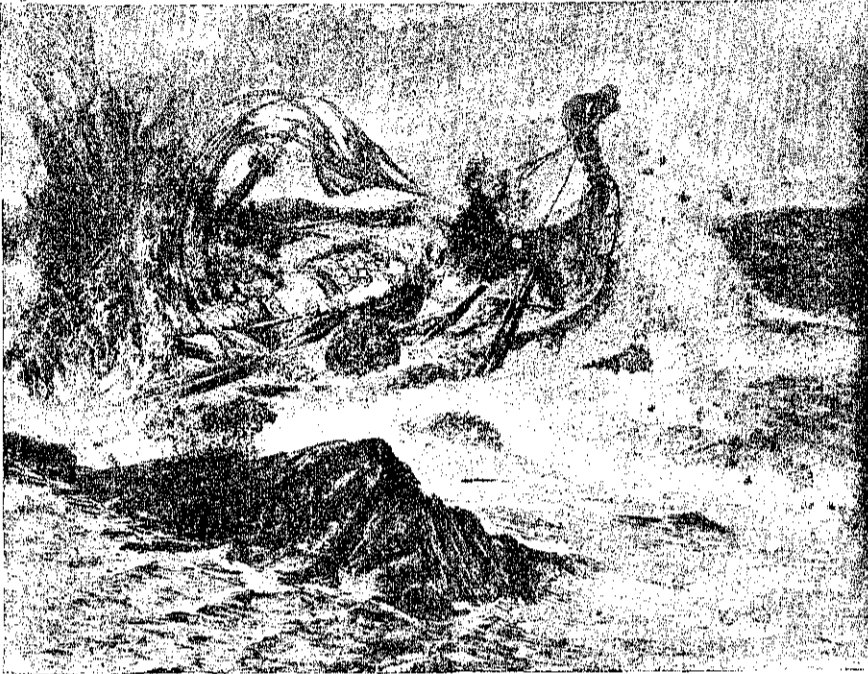
Поэтому въ письмѣ содержится слезная просьба прислать на позиціи возможно больше табаку, папиросъ, а также шоколада, какао, ветчины, колбасы и сала.

На мѣстѣ (очевидно, въ Польшѣ) достать ничего нельзя, въ виду того, что почти все убрано русскими при отступленіи, а остальное начисто съѣдено частями германской арміи, бывшими прежде въ этой мѣстности.

Въ заключеніе авторъ письма жалуется на утомительные марши, которые приходится дѣлать за послѣднее время, проходя по 40—50 километровъ въ день, при чемъ обозы въ большинствѣ случаевъ не поспѣваютъ за ними, вслѣдствіе чего приходится довольствоваться бдой всухомятку.

Кромѣ того, въ письмѣ содержится рядъ жалобъ на жестока расправы, чинимыя унтеръ-офицерами и сержантами съ нижними чинами.

Такимъ образомъ, изъ этого письма можно видѣть, что не все обстоитъ благополучно въ «побѣдоносной» арміи кайзера, утомленной и обезсиленной до крайности.

Похороны скандинавскаго викинга.

Наши полководцы.

ИЗЪ ЖИЗНИ СУВОРОВА.

I.

Суворовъ непрестанно заботился о своихъ солдатахъ, видя въ заботливости о нихъ начальства залогъ будущихъ подвиговъ. Вотъ выдержка изъ его замѣчательнаго приказа—«О наблюденіи здоровья»:

Среди нашихъ друзей—японцевъ. На японской желѣзной дорогѣ въ вагонѣ перваго класса.

1) «Питье»—квасъ; для него двойная посуда, чтобы не было молодого и перекислаго. Если жъ вода, то здоровая и нѣсколько приправленная.

2) «Пища»: котлы вылуженные; припасы—здоровые; хлѣбъ—выпеченный; ииша доварная, не персварная, не отстоянная, не подогрѣтая, горячая, а для того, кто къ кашѣ не поспѣлъ, лишень ея—на тотъ разъ—воздухъ!..

Въ теплое время отдыхать подѣтнѣно безъ обѣденія. Ночью—въ палаткахъ укрываться; въ холодную погоду отнюдь бы въ нихъ сквозной вѣтеръ не былъ. Черезъ ротныхъ фельдшеровъ—довольный запасъ въ артеляхъ ботаническихъ средствъ.

Отъ инженеровъ—уроки умѣренныя. Нанстрожайше воспрещается во время и малѣйшаго жара отнюдь никого, ни въ какую работу не употреблять, подъ неупустительнымъ взысканіемъ. А для успѣха, если необходимо, лучше начинать работу прежде рассвѣта, и вечерній урокъ кончить хотя къ ночи. Не мѣшаетъ прибавить хотя нѣчто ночи, особливо свѣтлой, но только ужъ въ больницѣ нуждѣ. Какъ скоро работа окончена, то на завтракъ нужно тотчасъ къ горячимъ кашамъ.

Лагерныхъ мѣсть имѣть до трехъ

Эпизодъ изъ древней исторіи Чехіи. Царица амазонокъ увлекласьъ предводителемъ вражескихъ полчищъ Цирадомъ. Амазонки узнали объ этой страсти царицы, подкараулили влюбленныхъ и убили врага.

въ близости и понеждѣльно ихъ перемѣнять, содержать чистоту внутри и около нихъ».

II.

Въ заботахъ о солдатахъ, Суворовъ часто осматривалъ вѣчные госпитали и бесѣдовалъ съ больными и ранеными. Этимъ онъ внушалъ къ себѣ неограниченную любовь и довѣріе. Солдаты, вообще, обожали его и не было такого подвига, на который не ринулись бы они по первому зову героя.

III.

Въ награду за безпримѣрный Измаильскій штурмъ Суворовъ получилъ сперва только чинъ подполковника гвардіи и право по своему усмотрѣнію наградить крестомъ св. Георгія 3-й степени одного изъ своихъ сподвижниковъ. Суворовъ былъ обиженъ, тѣмъ болѣе, что прочіе участники знаменитаго штурма были какъ бы забыты государыней, оставлены безъ всякихъ наградъ. Созвали военный совѣтъ рѣшить

кого украсить присланнымъ крестомъ. Было рѣшено просить принять ордень самого Суворова.

— Промилуй Богъ,—отвѣчалъ Суворовъ,—гдѣ же намъ заслуживать этого? А вотъ, господа генералы и офицеры, я имѣю человѣка, такъ это, дѣйствительно, герой: этотъ человѣкъ храбро написалъ мнѣ бумагу: идти на штурмъ! А я то что? Я только подписалъ!

Съ этими словами онъ надѣлъ крестъ на своего письмоводителя Ивана Онуфриевича Куриса.

Государыня, узнавъ о выходкѣ героя, много смѣялась и щедро наградила какъ самого побѣдителя, такъ и его доблестныя войска.

IV.

Суворовъ требовалъ точнаго и строгаго соблюденія дисциплины, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ самъ лично мягокъ и добръ, иногда до слабости. Если ему представляли, чтобы онъ наказалъ виновнаго, Суворовъ отвѣчалъ:

— Я—не палачъ.

V.

Суворовъ гордился именемъ русскаго. Это видно изъ того, что каждый разъ, когда кто-либо погрѣшалъ противъ должности, былъ ли то простой рядовой, офицеръ или генералъ,—онъ одинаково укорялъ ихъ:

— «Ты не русскій; это не по-русски». Если же передъ нимъ оправдывались, то онъ прибавлялъ:

— «Покажи на дѣлѣ, что ты—русскій».

VI.

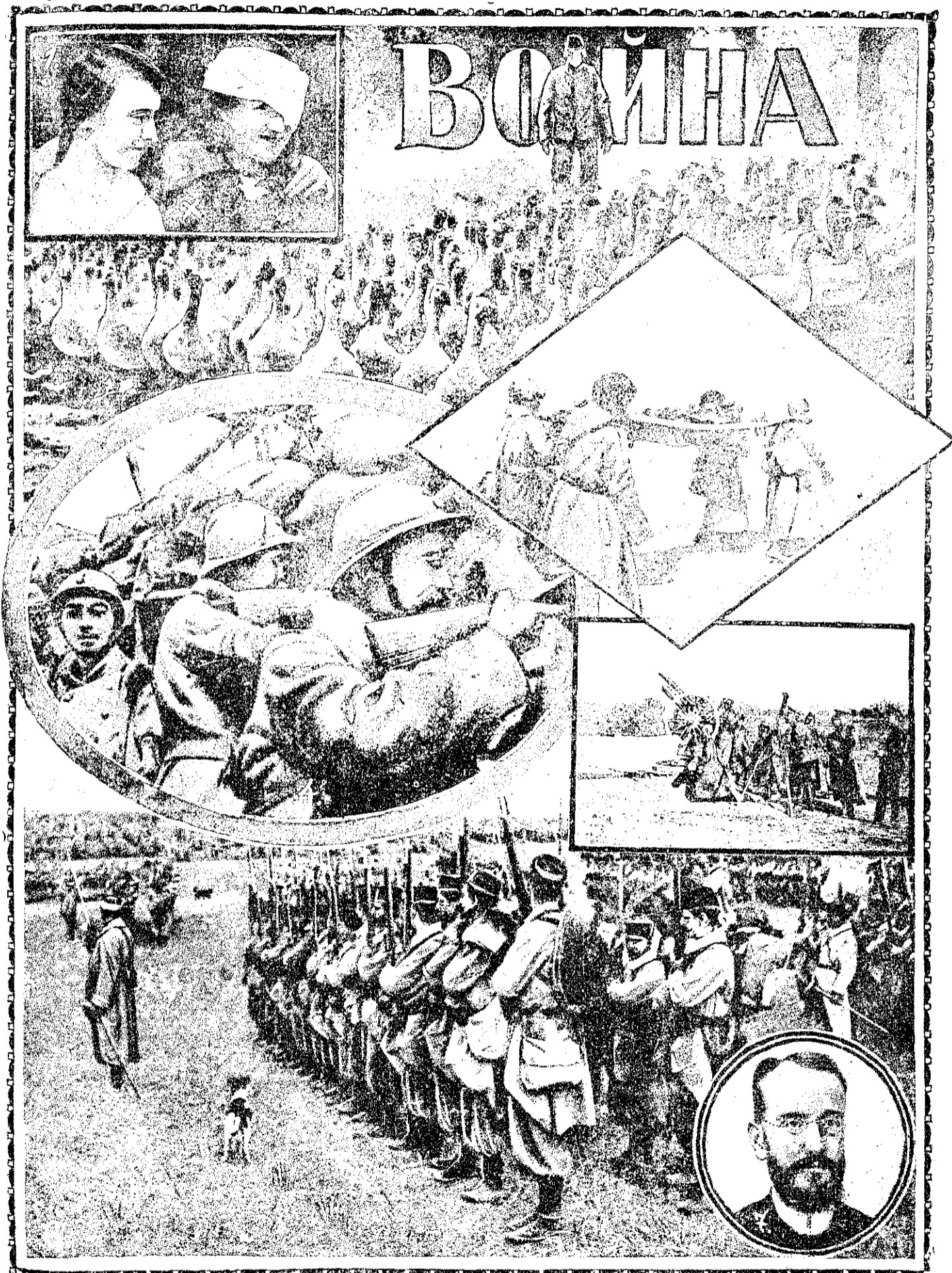
Суворовъ не выносилъ «немогунства» и требовалъ отъ подчиненныхъ точныхъ и быстрыхъ отвѣтовъ.

Однажды онъ спросилъ одного изъ своихъ гренадеровъ:

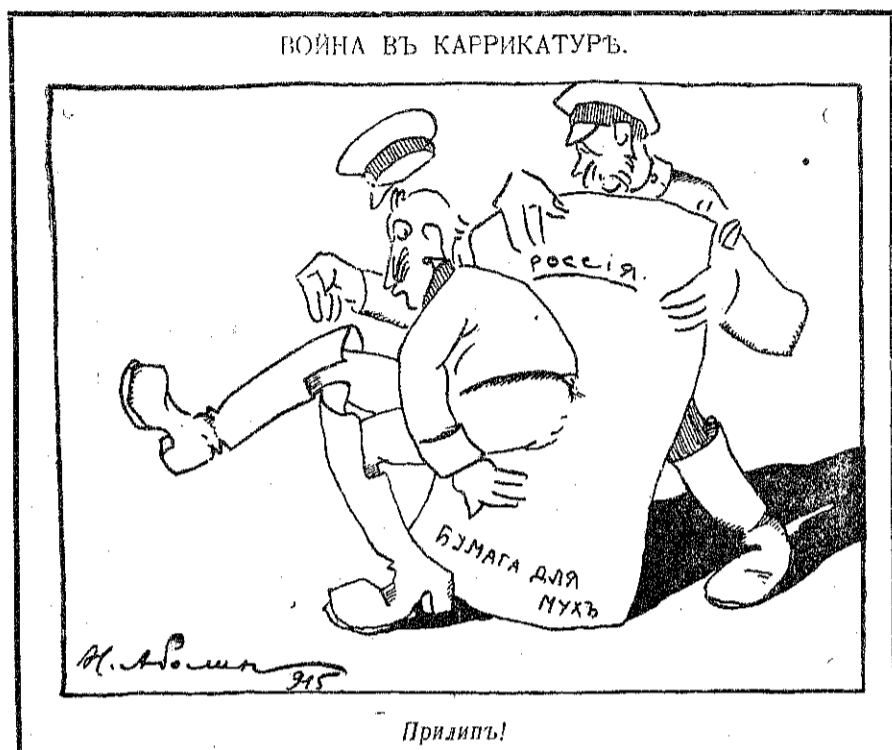
— Сколько будетъ отсюда до неба?

— Два суворовскихъ перехода,—быстро отвѣчалъ находчивый солдатъ.

Суворовъ остался очень доволенъ такимъ отвѣтомъ.

1. Женщина-герой мисс Аллизонъ. 2. Партия гусей на пути къ позиціямъ. 3. Къ перевязочному пункту.
4. Французы въ стальныхъ шлемахъ. 5. Стрѣльба по «Тaubе». 6. Зуавы передъ боемъ. 7. Греческій патріотъ
Венизелосъ.

Мертвецы Имперіи.

Уже стоялъ снѣгъ на холмахъ. Въ донесеніяхъ изъ штаба, напечатанныхъ исключительно для императора на прекрасной глянцевиной бумагѣ, сообщали, что въ Вогезахъ разлились рѣки и ручьи и затопили траншеи; что приходится вести бой по поясу въ водѣ; что знаменитые «42», недавно громившія Нанси, увязаютъ въ грязи.

Хотя сообщенія были изложены осторожно и мягко, въ томъ тонѣ, въ которомъ съ императоромъ всегда говорили министры и генералы, но онъ зналъ, онъ прекрасно зналъ, что это значитъ. Онъ ждалъ весны; онъ ободрялъ народъ, выражавшій нетерпѣніе, что такъ долго тянется кампанія, что такъ много пало жертвъ, что такъ дорога стала жизнь,—онъ ободрялъ его и просилъ подождать до весны. Онъ обѣщаль ему къ Пасхѣ подарокъ — Францію или, по крайней мѣрѣ, берега Марны, на которыхъ уже однажды были его войска. А теперь вотъ эти донесенія, кричащія своимъ изящнымъ шрифтомъ объ ужасѣ, о гибели всѣхъ его надеждъ!

Въ деревушкѣ, въ которой находилась императорская ставка, гудѣлъ колоколь. Густые звуки врывались въ кабинетъ императора:

— Донъ донъ-донъ!

Колоколь звалъ народъ къ молитвѣ, а императора душилъ его настойчивый зовъ, какъ кошмаръ.

Да, да, имперія гибнетъ. Надо имѣть мужество, надо сознаться самому себѣ, если другимъ этого сказать нельзя еще, что созданная упорнымъ трудомъ полустолѣтія, спаянная кровью и желѣзомъ, она, которой онъ отдалъ цѣлую жизнь, рушится, разлетается въ прахъ. Это конецъ.

Императоръ не говорилъ этого своимъ старымъ генераламъ, собравшимся въ душной, бревенчатой комнатѣ на военный совѣтъ, но чувствовалъ, что и они чего то не договариваютъ. Онъ спокойно и сухо высказалъ свое мнѣніе: нужно наступать по всему фронту. Голосъ его былъ твердъ и звучалъ, какъ металлъ, а на глазахъ стояли слезы и сердце сжималось отъ тоскливой боли. Несмотря на это, онъ сталъ въ привычную позу: высоко поднялъ голову, заложилъ за обшлагъ сюртука правую больную руку и, сдѣлавъ широкій жестъ лѣвой рукой, обтянутой въ перчатку, точно бросилъ ея всѣ свои войска, всю гордость, всю силу имперіи на западъ на траншеи неприятеля и крикнулъ:

— Наступать или... или...

Онъ выдержалъ долгую паузу, во время которой генералы затаили дыханіе, и рѣзко закончилъ:

— Или умереть.

Старый грузный генералъ, сидѣвшій противъ императора, странно крякнулъ и съ тоской посмотрѣлъ ему въ глаза. Подъ нависшими сѣдыми бровями генерала блестѣлъ насмѣшливый взглядъ, который былъ понятенъ императору. Пока военный совѣтъ, разставляя на картѣ оловянные фигурки, изображавшія армию его величества, обсуждалъ планъ наступленія, глаза старика-генерала говорили, что все погибло, что наступленія не будетъ, что ни у императора, ни у генерала, ни у арміи нѣтъ больше вѣры въ побѣду.

«Хочешь или не хочешь,—говорилъ грустно-насмѣшливый взглядъ генерала,—но, если нѣтъ вѣры въ войскахъ, нѣтъ и побѣды, какъ бы она тебѣ нужна ни была. Я много жилъ и много видѣлъ. Я знаю, что это такъ, а не иначе».

Подъемъ прошелъ. Теперь была усталость. Императоръ сидѣлъ, сгорбившись въ своемъ креслѣ, и казался теперь старше своихъ лѣтъ.

Маленькая дѣвочка, лѣтъ пяти, дочь хозяина фермы, незамѣтно для взрослыхъ пробралась въ комнату, въ которой засѣдалъ военный совѣтъ, и смотрѣла восхищенными голубыми глазами на блестящее шитье генеральскихъ мундировъ. Ей очень понравился золотой эфесъ сабли императора, и она, путаясь между ногъ взрослыхъ, пробралась къ его креслу и тронула рученкой красивую игрушку, торчавшую между колѣнъ императора.

Императоръ разсѣянно посмотрѣлъ на ребенка и погладил его по бѣлокурой головкѣ. Дѣвочка до вѣрчиво прижалась къ нему, а онъ бессознательно гладилъ ея шелковистые волосы и говорилъ о томъ, что не надо считаться съ потерями, что планъ наступленія требуетъ жертвъ, и если погибнетъ еще полмилліона людей, они купятъ своей смертью побѣду. Онъ говорилъ о смерти такъ, какъ говорятъ о шахматной партіи. Онъ спокойно и холодно называлъ цифры, не чувствуя, что это люди. Дѣвочка терлась щекой о шитье его мундира и слушала императора. Ей нравился его голосъ, немного разслабленный и надтреснутый, и ей было жаль, когда добрый дядя съ золотой игрушкой на боку пересталъ говорить.

Теперь императоръ залумался.

Нападение болгарской черни на поѣздъ съ англо-французами, покидающими Болгарію.

Онъ думалъ объ имперіи, о томъ, что сегодня канунъ Пасхи, что сегодня столица горитъ и тонетъ въ морѣ разноцвѣтныхъ огней, что у него во дворцѣ въ эту ночь готовятся идти ко всемошней, и что завтра утромъ императрица, по старой традиціи, лично побѣдетъ въ тюрьму, чтобы раздагъ заключеннымъ сласти и пасхальныя яйца. Что же онъ, императоръ, подарить дѣтямъ имперіи?

— Отчего дядя плачетъ?—тихо спросила дѣвочка.—Дядѣ больно?

Императоръ вздрогнулъ, удивленно посмотрѣлъ на ребенка, котораго раньше по разсѣянности не

замѣтилъ, и, отвѣдя его рукою отъ себя, всталъ.

За окномъ слышались топотъ лошади. Кто-то скакалъ по шоссе къ фермѣ. Его окликали часовые, и всадникъ издала кричалъ имъ пароль.

Императоръ вышелъ на крыльцо. Онъ хотѣлъ лично принять донесеніе изъ арміи.

Ординарецъ, почти мальчикъ, весь забрызганный грязью, устало слѣзъ съ лошади и, подойдя къ крыльцу, замѣтилъ императора. Онъ поблѣднѣлъ, вытянулся въ струнку и протянулъ императору пакетъ.

— Словесно. Какъ дѣла?—отрывисто бросилъ ему императоръ.

— Имѣю честь доложить вашему величеству, что наши войска у канала вычужены были, къ сожалѣнію, отступили.

— Имѣете честь, чертъ васъ возьми!—вспыхнулъ императоръ.— А умереть вы не имѣли чести? Идите... Побѣжайте и передайте имъ, что я, слышите! я приказалъ, чтобы они имѣли честь умереть за меня и имперію!

Это было эффектно. Но это было такъ хорошо сказано, что онъ зажмурился, отъ упоенія своей красивой и сильной фразой, глаза и повторилъ:

— Да! Пусть они имѣютъ честь умереть!

Теперь императоръ чувствовалъ себя почти хорошо. Онъ прошелся нѣсколько разъ передъ крыльцомъ и посмотрѣлъ на небо.

Оно было затянато сплошными тучами, на которыхъ трепеталъ багровый отсвѣтъ далекихъ пожаровъ. И казалось оно залитымъ кровью. Только въ одномъ мѣстѣ, сквозь прорывъ въ тучахъ, горѣла одинокая, яркая, лучистая звѣзда на чистомъ, нѣжно-синемъ клочкѣ неба. И оттого, что среди густо напоенныхъ кровавымъ багрянцемъ недвижныхъ тучъ блестя звѣзда, небо было страшно. Оно напоминало о чемъ-то. О чемъ?

Ахъ, да! Когда императоръ былъ ребенкомъ, отецъ его, тоже императоръ, подарилъ ему книжку съ золотыми застежками. Въ этой книжкѣ рассказывалось простыми, но проникающими въ душу словами, что кто-то Свѣтлый и Великій страдалъ на крестѣ, и что, когда Онъ вздохнулъ въ послѣдній разъ, наступила тьма, небо стало багровымъ, кровавымъ и весь миръ, за который Онъ терпѣлъ муку, загорѣлся зловѣщимъ кровавымъ отсвѣтомъ.

Императоръ разсѣянно шелъ впередъ. Часовые отдавали ему честь—онъ ничего не видѣлъ. Онъ шелъ, какъ лунатикъ, замороженный кровавымъ небомъ и этой лучистой звѣздой, побѣдно сиявшей въ морѣ крови.

Заморосилъ дождь. На лицо императора упало нѣсколько капель. Онѣ показались ему горячими и липкими, какъ кровь. Онъ вздрогнулъ, повелъ плечами и остановился.

Онъ стоялъ подъ старымъ букомъ, на которомъ уже наливались и разбухали почки. Нѣсколько вѣтвей бука были мертвы, на нихъ не было почекъ, на нихъ не будетъ листьвы, и онѣ отпадутъ и сгниютъ. Мертвое должно сгнить, а живое—наливаетъ свои почки и побѣждаетъ.

— Я мертвъ, я мертвъ,—сказалъ кто-то чужой въ душѣ императора.— Жизнь воскресаетъ, а я... Сколько тысячъ человекъ имѣли честь умереть въ эту ночь за меня?

Подъ букомъ была скамья. Озаренная пожаромъ она казалась высѣченной изъ алаго камня. На спинкѣ скамьи выскоблено пронзенное стрѣлой сердце и переплетающіяся, словно обнявшіяся буквы:

— Жанъ и Нинета. Мы любимъ другъ друга.

Жанъ ушелъ на войну и сражался противъ арміи его величества. Жана, можетъ быть, убили. Глупый Жанъ! Мертвое гнѣтъ, а живое наливаетъ почки. Все равно, все равно...

Императоръ сѣлъ на скамью. У него кружилась голова, стучало въ вискахъ, шумѣло и звенѣло въ ушахъ. Начинаясь обычный припадокъ: приливъ крови.

— А Нинета? Гдѣ Нинета?—неожиданно подумалъ онъ и вспомнилъ почему-то бѣлокурую дѣвочку, которую давеча ласкалъ.

Не только небо, но и воздухъ былъ густо напоенъ кровью. Отъ краснаго сіянія стало больно глазамъ, и императоръ закрылъ ихъ.

ВОЙНА ВЪ КАРРИКАТУРѢ.

Заплечныхъ дѣлъ мастеръ.

Странные звуки рождались вокругъ. Конечно, это отъ прилива крови, это галлюцинація слуха.

...Трубятъ боевыя трубы:

— Тра-та-та!

Горнисты зовутъ полки подъ знамена. Слышно, какъ мѣрно звенятъ копыта конницы по камнямъ. Грохочутъ колеса пушекъ. Дребезжатъ зарядные ящики...

— Тра-та-а!

Дѣти имперіи идутъ мѣрными шагами. Ихъ тучи, ихъ тучи! Все, что родила и вырастила имперія, идетъ послушными рядами:

— Императоръ приказалъ умереть!

Объ этомъ ревутъ мѣдныя жер-

ла пушекъ, звенящимъ кличемъ разноситъ по полю приказъ императора острая сталь, и тихо шепчутъ старыя знамена имперіи:

— Ти-и-ше: у-ме-реть!

Земля колеблется. Изъ могилъ встаютъ трупы и строятся въ ряды.

Вотъ славный полкъ, погибшій подъ крѣпостными фортами. Четыре тысячи скелетовъ съ примкнутыми штыками.

Вотъ конница, павшая у канала. Бѣлыя тѣни на призрачныхъ коняхъ летятъ въ бой строй за строемъ.

Изъ могилы встаетъ принцъ, котораго у Нанси уложила спать шрапнель. Онъ ведетъ желѣзную гвардію—оплотъ имперіи.

— Императоръ приказалъ умереть!

Что это? Опять враги открыли свои шлюзы? Откуда несется этотъ ревъ прибой?

Изъ язвъ земли, изъ открывшихся могилъ сочится кровь. Отовсюду бѣгутъ кровавыя ручьи: съ востока, съ запада, съ юга, съ сѣвера. Они стекаются въ рѣки, сливаются въ море, и выше, и выше кровавыя волны. Полміра, полміра залили онѣ, а надъ ними несутся мертвецы имперіи, призрачные полки, батальоны, роты, возставшіе изъ гробовъ въ эту ночь Воскресенія.

И стонетъ и плачетъ старая земля, каждая ея песчинка рыдаетъ, и слышны проклятія и скрежетъ. Стоны и дикій вой въ эту ночь Воскресенія.

Со шпагами въ рукахъ несутся въ эту ночь передъ рядами мертвецовъ ожившіе генералы и зовутъ въ бой, еще разъ въ бой:

— Умереть приказалъ императоръ!

Четко вырѣзывается на багровомъ небѣ тонкое кружево башенъ и колоколенъ. Неужели воскресъ древній Реймсъ? Да, это онъ, сѣдой свидѣтель былыхъ побѣдъ. И Лувенъ воскресъ, и суровый Брюгге ожилъ. Призраки—люди, призраки—города, призрачный громъ боя... Не самъ-ли онъ, императоръ, призракъ, залившій морями крови полміра, посѣявшій смерть въ чрево земли?

Плачетъ кто-то. Это матери плачутъ:

— Мы родили имперіи дѣтей. Гдѣ наши дѣти?

Это земля плачетъ:

— Кто расчешетъ мою грудь бо-роною? Кто надѣнетъ на мои плечи зеленый плащъ? Гдѣ мои дѣти?

Импери́я рыдаетъ:

— Воскресъ Спаситель, и налились почки на деревьяхъ. Гдѣ мои сыновья?

..Больно головѣ. Нѣтъ больше силъ. Умереть, умереть! Въ старомъ склепѣ похоронять набальзамированный трупъ императора. Еще одна реликвія исторіи, кровавая реликвія. Не все-ли равно мертвецъ?

А съдой Реймсъ гудитъ своими призрачными колоколами. И будто бьютъ молотомъ по больной, пылающей головѣ императора.

Гудятъ реймскіе колокола, поютъ колокольчики Брюгге, и страненъ звонъ ихъ, словно спрашиваютъ они:

— Quo vadis? Quo vadis?

— Боже мой, да развѣ онъ знаетъ, куда онъ идетъ? Онъ старый, больной человѣкъ, онъ только человѣкъ, у котораго бредъ и жаръ и которому хочется умереть.

— Quo vadis?

Тысячи звоновъ стучатъ по черепу и спрашиваютъ и требуютъ отвѣта. А отвѣта нѣтъ.

Полки мертвецовъ, утонувшихъ въ кровавомъ морѣ—развѣ это отвѣтъ?

Маленькіе колокольчики Брюгге нѣжно лепечутъ:

— Жили-были Жанъ и Нинетта. Жили-были. Гдѣ Жанъ и Нинетта?

Императоръ сжалъ руками виски и застоналъ:

— Эй, Господи! Камо уйду отъ лица Твоего?

— Ни-ку-да!—отвѣтили колокола Реймса.

— Жили-были... Жили-были,—продолжали пѣть колокольчики Брюгге.

Кто-то склонился надъ императоромъ, кто-то нервно топчется на мѣстѣ, звеня шпорами.

Императоръ слушаетъ его съ закрытыми глазами. Этотъ человѣкъ въ шпорахъ говоритъ, будто кто-то воскресъ. Кто? Реймсъ? Брюгге? Полки?

Ага! Императоръ понялъ: воскресъ и Реймсъ и Брюгге и мертвецъ—воскресли въ Немъ, въ Его безмѣрной любви. А онъ, императоръ, не воскреснетъ никогда. Никогда!

— Ваше величество,—говоритъ адъютантъ.—Что съ вами, ваше величество?

Кто это—величество? Это онъ, больной и старый человѣкъ, это его такъ зовутъ? Какая ложь!

Императоръ открываетъ глаза.

— На всемъ фронтѣ завязался бой, ваше величество,—говоритъ адъютантъ, — главнокомандующій просилъ доложить вамъ, что сыны имперіи горятъ жаждой побѣдить или умереть.

«Какая фальшивая ложь!»—думаетъ императоръ.—«А развѣ ложь бываетъ не фальшивая?»

И вслухъ спрашиваетъ:

— Гдѣ это недавно звонили колокола, другъ мой?

— Это звонили ко всенощной, ваше величество.

затъ этому офицеру, что его величество такой же человѣкъ, какъ всѣ, что онъ боленъ, что ему страшно, что ему хочется биться головою о стѣну отъ тоскливаго ужаса. Но развѣ онъ пойметъ его?

— Хорошо,—сказалъ императоръ.—Только велите подать мнѣ стаканъ крѣпкаго вина. Пойдите. Какъ вы думаете: мертвецы воскресаютъ?

Адъютантъ улыбнулся и сдѣлалъ жестъ, который означалъ: какъ угодно вашему величеству.

Франція и Германія. Современный французскій символическій рисунокъ-модернъ.

— Гдѣ? Въ Реймсѣ? Въ Брюгге? Гдѣ?

— Въ мѣстномъ аббатствѣ, ваше величество.

— Такъ. Значитъ...

Императоръ не сказалъ, что это значитъ. Онъ взглянулъ на небо. Оно было блѣдно-розовое, и еще ярче горѣла на немъ звѣзда.

— Ваше величество,—сказалъ адъютантъ,—офицеры будутъ осчастливлены вашимъ присутствіемъ...

Императоръ не далъ договорить адъютанту. Онъ махнулъ рукою и поморщился. Онъ хотѣлъ бы ска-

Императоръ нахмурился и, ударивъ рукою по скамейкѣ, простоналъ:

— О, какъ мнѣ больно!

Потомъ, взявъ себя въ руки, почти спокойно приказалъ адъютанту:

— Уходите прочь! И знайте: мертвецы не воскреснутъ. Да!

Я. Окуневъ.

ПАНОРАМА ВОЙНЫ.

ГРАДУСЫ НЕНАВИСТИ.

Во многих немецких семьях на столъ въ столовой стоитъ копилка. Въ эту патриотическую копилку опускаются штрафы за слѣдующія преступленія.

Виновный въ употребленіи французскаго или русскаго слова опускаетъ въ копилку 10 пфенниговъ. Употребленіе англійскаго слова карается штрафомъ въ размѣрѣ 20 пфенниговъ. Наконецъ, произнесеніе итальянскаго слова или выраженія влечетъ за собою штрафъ величиною въ 30 пфенниговъ.

МЕМУАРЫ ИСПАНСКОЙ ИНФАНТЫ ЕВЛАЛІИ.

Въ Испаніи и въ Англіи недавно опубликованы мемуары испанской инфанты Евлаліи о Германіи. Въ мемуарахъ говорится преимущественно о кайзерѣ и о жизни при дворѣ. Инфанта характеризуетъ Вильгельма II чрезвычайно мелочнымъ и тщеславнымъ. Между прочимъ, вспоминаетъ слѣдующій анекдотъ.

«Однажды, пишетъ инфанта Евлалія, съ утра въ Берлинѣ шелъ дождь. Едва только погода разъяснилась, императоръ предложилъ мнѣ проѣхать съ нимъ по городу, потому что онъ хочетъ показать мнѣ нѣчто «чрезвычайно интересное». Каково же было мое удивленіе, когда этимъ «интереснымъ» оказались только прибранныя и выметенныя берлинскія улицы, на которыхъ почти не оставалось и слѣда недавняго ливня!

— Красота и чистота Берлина— моя гордость, — сказалъ мнѣ императоръ.

— Это все, что Ваше Величество хотѣли мнѣ показать?

— Какъ, вы находите, что этого мало? — изумился императоръ.

ФУТУРИЗМЪ И ВОЙНА.

Мало кому извѣстно, что начателъ и предводитель футуристовъ, итальянскій поэтъ Маринетти — большой политикъ и заядлый врагъ Австріи, не разъ выступавшій противъ нея и противъ участія Италіи въ тройственномъ союзѣ.

Вотъ что рассказываетъ самъ

Маринетти объ одномъ своемъ публичномъ выступленіи въ миланскомъ театрѣ (кажется, въ 1910 г.): «Несмотря на бурю перерывовъ и свистковъ, я продекламировалъ отъ начала до конца оду въ честь генерала Азинари де-Барнеццо, который былъ несправедливо уволенъ въ отставку за то, что произнесъ передъ войсками черезчуръ футуристскую рѣчь противъ Австріи. Эта ода, полная оскорбительныхъ выходокъ противъ трусости правительства и монархіи, вызвала страшный гвалтъ... Тогда-то изо всей силы моихъ легкихъ я бросилъ слѣдующія слова: «Вотъ наше первое футуристское заключеніе! Да здравствуетъ война! Долой Австрію!»

Эти слова вызвали баталію во всей залѣ, моментально раздѣлившейся на два лагеря».

БАШНЯ ЮЛІЯ.

Въ Шпандау, какъ извѣстно, находится таинственная «башня Юлія», въ которой находился золотой запасъ. Въ 1871 г. въ башнѣ Юлія, въ специальныхъ кладовыхъ, было собрано въ золотѣ 120 милліоновъ марокъ—часть 5-милліардной контрибуціи, уплаченной французами. Въ отчетѣ управляющаго имперскимъ военнымъ фондомъ—отъ 1 апрѣля 1914 г., то есть за нѣсколько мѣсяцевъ до войны, значится въ графѣ «Доходы», перенесенные съ предшествующаго отчетнаго года 120 милл. марокъ, а въ графѣ «Расходы»: «ничего». Въ примѣчаніи указано, что фонду положено начало распоряженіемъ отъ 22 января 1874 г. о храненіи въ цитадели башни Юлія золотого фонда на случай войны. Въ текущемъ году отчетъ гласитъ, что фондъ израсходованъ цѣликомъ согласно его назначенію.

АНГЛИЧАНЕ ХМУРЯТСЯ.

Привыкшіе къ неограниченной свободѣ печати англичане съ большимъ трудомъ герлятъ строгости военной цензуры, которая введена теперь во всѣхъ воюющихъ странахъ.

Прекрасно дисциплинированные и волюнтарно воспринявшіе принципы зю-

ровой государственности, они, понимая ея необходимость, тѣмъ не менѣе иногда ворчатъ и хмурятся.

У насъ, у русскихъ, есть уже навъкъ.

«Переносится дѣйствіе въ Пизу, И спасенъ многотомный романъ».

Теперь и хмурымъ британамъ иногда приходится забираться въ Чили, Огайо и Новую Зеландію.

Но то, что пойметъ «тренированный» русскій читатель, совершенно не понятно привыкшему къ откровенности британу и англичане чуть-чуть ворчатъ.

ПОЗДНЕЕ СОЖАЛѢНІЕ.

Прибывшій въ Петроградъ житель г. Барановичей рассказываетъ, что тамъ проживаетъ нѣкій П. Юрчикъ, жандармскій унтеръ-офицеръ въ отставкѣ, который извѣстенъ тѣмъ, что спасъ жизнь Вильгельму.

Въ 1886 году Вильгельмъ, будучи принцемъ, пріѣхалъ въ Несвижъ на охоту на медвѣдей. Юрчикъ былъ командированъ въ Несвижъ для охраны особы принца во время охоты. Вильгельмъ поднялъ изъ берлоги медвѣдицу. Послѣдняя пробѣжала. Принцъ выстрѣлилъ ей вдогонку. Разъяренная медвѣдица повернула назадъ и бросилась на Вильгельма. Минута—и принцъ очутился бы въ объятыхъ разъяреннаго звѣря, но тутъ подоспѣлъ Юрчикъ, который всадилъ въ животъ медвѣдицы ножъ и спасъ жизнь Вильгельма.

— Коли бы знать, что онъ такую войну затѣетъ, — говоритъ теперь с.г.и.и.и., — пальцемъ бы не ударилъ. Спасъ на свою голову.

УСЕРДНЫЕ ЧИНОВНИКИ.

Французскія газеты передаютъ о слѣдующей курьезной перепискѣ. Въ августѣ 1914 г., при наступленіи германцевъ на Парижъ, генераль фонъ-Клукъ взялъ въ гор. Мондиде три килограмма сигаръ изъ казеннаго табачнаго склада, служащія котораго разбѣжались. Теперь управленіе табачной монополіи требуетъ, чтобы городъ уплатилъ за эти сигары 100 франковъ. Мэръ же заявляетъ, чтобы взыскивали съ фонъ-Клука. Тѣмъ не менѣе, акцизные чиновники обратили взысканіе въ административномъ порядкѣ на городскіе доходы.

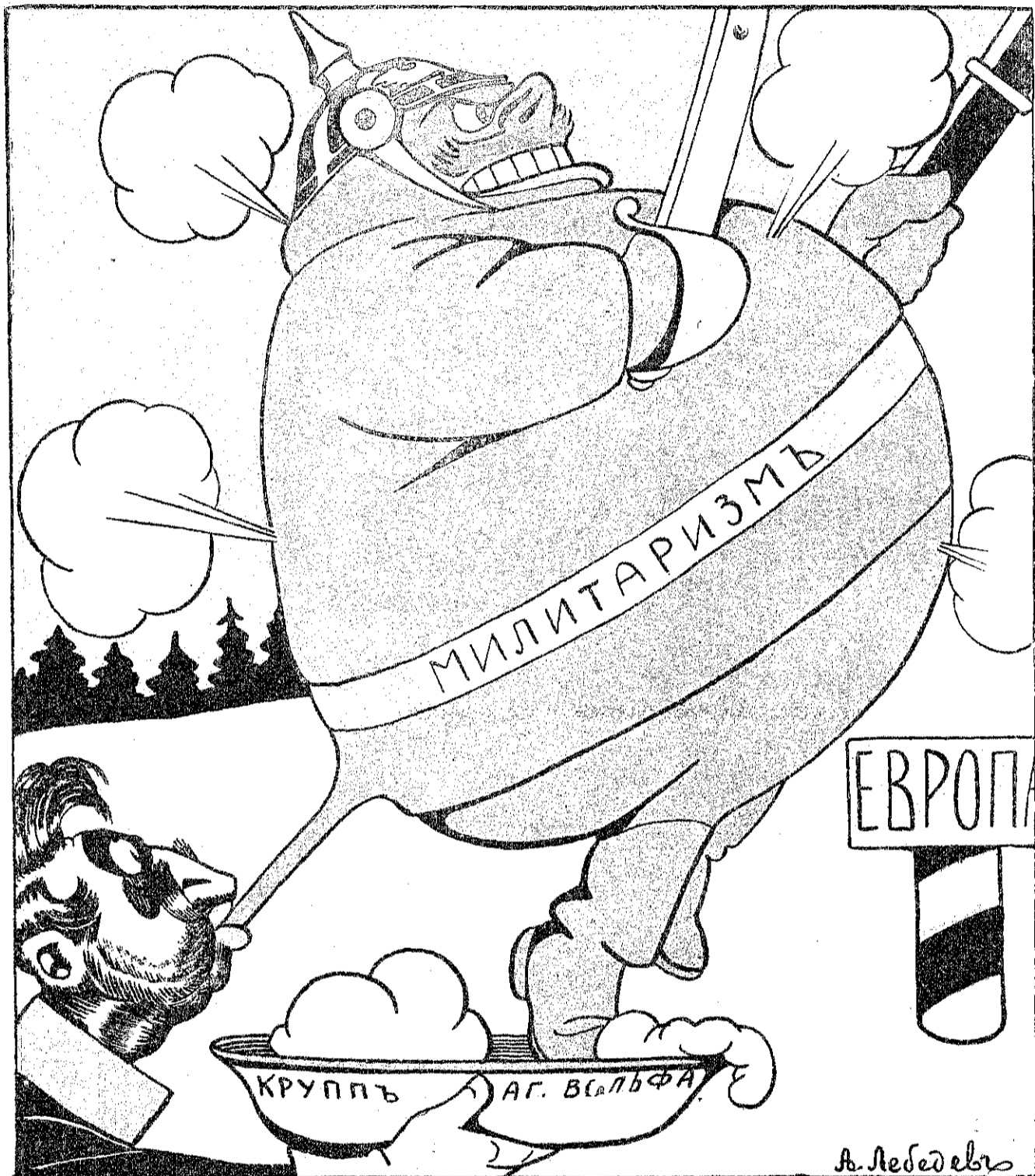
Реваншъ. Популярная французская символическая картина.

УСТАМИ МЛАДЕНЦА.

Въ газетѣ «Bayerische Südzeitung» помѣщена бесѣда съ баварскимъ кронпринцемъ, въ которой послѣдній сообщилъ, между прочимъ, слѣдующее:

— Будущее покажетъ, каковы могутъ быть границы новаго германскаго государства, но во всякомъ случаѣ, представляется неизбѣжнымъ уплата контрибуціи въ соотвѣтствіи съ расходами на войну!

и все это совершенно вѣрно. И темное будущее германскихъ границъ и уплата контрибуціи, но только какъ разъ наоборотъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ: «Госпожа Европа! Что страшно?! Да, пугайтесь-же скорѣе... а не то... изъ него духъ выходитъ начинать!».

▽▽▽

Требуйте у всех газетчиковъ и на станціяхъ жел. дор. **20-й ВЪКЪ** РАЗСКАЗЫ, ОЧЕРКИ, СТАТЬИ, КАРТИНЫ и РИСУНКИ **ИЗЪ ВОЕННОЙ ЖИЗНИ**
 Корреспонденціи съ театра войны. Цѣна 6 коп.